16 декабря 1959.
ч 8.2.

ПЛАВИЛЬНЯ СЛОВ.

Сергей Есенин, Анатолий Мариенгоф,
Вадим Шершеневич.

1920.

ИМАЖИНИСТЫ

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ.

ВАДИМ ШЕРШЕНЕВИЧ.

ПЛАВИЛЬНЯ СЛОВ.

КН—ВО
„ИМАЖИНИСТЫ"
при
Всероссийском Союзе Поэтов
МОСКВА,
1920.

ЕСЕНИН.

О Боже, Боже. эта глубь
Твой голубой живот,
Златое солнышко как пуп
Глядит в каспийский рот.

Крючками звезд свивая в нить
Лучи, ты ловишь нас
И вёршами бросаешь дни
В зрачки озерных глаз

Но в малый вентерь рыбаря
Не заплывает сом.
Не втащит неводом заря
Меня в твой тихий дом.

Сойди на землю без порток

Взбурли всю хлябь и водь.

Смолой кипящею восток

Пролей на нашу плоть.

Да опалят уста огня

Людскую страсть и стыд:

Вознеси как голубя меня

В твой в синих рощах скит.

BIBLIOTECA SAVINE

Душа грустит о небесах,
Она не здешних мне жилица,
Люблю когда на деревах
Огонь зеленый мелькает.

То сучья золотых стволов
Как свечи теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.

Понятен мне земли глагол,
Не не стряхну я муку эту,—
Как отразившийся в водах дол
Вдруг в небе стальную комету.

Так кони не стряхнут хвостами

В хребты их пьющую луну...

О еслиб прорости глазами

Как эти листья в глубину.

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала
Причесывая языком
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый
Семерых всех поклал в мешок.

По сугробам она бежала
Поспевая за ним бежать,
И так долго, долго дрожала
Воды не замершей гладь.

А когда чуть плелась обратно
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над катой
Одним из ея щенков

В синюю высь звонко
Глядела она скуля,
А месяцъ скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо как от подачки
Когда бросят ей камень в смех
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Закружилась листва золотая,
В розоватой воде на пруду
Словно бабочек легкая стая
С замиранъем летит на звезду.

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол,
Отрок ветер по самыя плечи
Заголил на березке подол.

И в душе и в долине прохлада,
Синий сумрак как стадо овец,
За калиткою смолкшаго сада
Прозвенит и замрет бубенец.

Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть,
Хорошо бы как ветками ива
Опрокинуться в розовость вод.

Хорошо бы на стог улыбаясь
Мордой месяца сено жевать...
Где ты, где моя тихая радость
Все любя ничего не желать?

Устал я жить в родном краю
В тоске по гречневым просторам,
Покину хижину мою
Уйду бродягою и вором.

Пойду по белым кудрям дня
Искать убогое жилище.
И друг любимый на меня
Наточит нож за голенище.

Весной и солнцем на лугу
Обвита желтая дорога,
И на, чье имя берегу,
Меня прогонит от порога.

И вновь вернусь в отчий дом
Чужою радостью утешусь,
В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.

Седые вербы у плетня
Нежнее головы наклонят.
И не обмытаго меня
Под лай собачий похоронят.

А месяц будет плыть и плыть
Роняя весла по озерам
И русь все так же будет жить
Плясать и плакать у забора.

МАРИЕНГОФ.

Слепые ноги.

Арсению Авраамову.

1.

Человеческих темных страд
В щелях век неживые белки—
Порубленных дней кора
И золотые опилки.

Кто однажды сказал „пощади“
Тот не знает победы железной,
Желтизною осенних щетин
Человечья мохура облезла.

Что зрачков устремленных тазы?!
(Слезной рябью не видеть пристань)—
Если надо учить азы
Самых первых звериных истин.

2.

Жилистые улиц шеи
Желтые руки обвили закатов,
А безумные, как глаза Ницше,
Говорили, что надо итти назад.

А те, кто безумней вдвое
(Безумней психиатрической лечебницы)
Приветствовали волчий вой
И воздвигали гробницы.

Мне над кем-же—над теми-ль, над этими
Рассыпать горстями душу,
Или колпак надеть
Колеблющихся воздуший.

3.

К вам, кто умеет бегать
Ветром в трепещущих ковылях,
По завернутым в газеты снега
Площадям иду себя вылить.

Какое имя—Россия,
Другое ли,
Все равно,—только тем, кто несет погромные колья
Стихов серебрянные росы.

4.

Дней колодезная глубина,
Нам-ли серые глаза струй черпать—
Кровь сентябрьская рябина,
Ведро человеческий череп.

Тот, кто направил дул згу
В испепеленные жаждой рты
Знал, что только к последнему визгу
Склоняется мирт.

5.

Не было часов мокрей,
Мокротою красней чем щебень—
Острогом заломленный набекрень
Месяц забыл о небе.

Вожжой не переломить хребты
Кореннику и шарахнувшимся пристяжкам—
Вдавленный пуп крестя
Нищие ждут лепты.

Опустится звезд жезл
Землю насквозь продырявить,
Прижечь раскаленным железом
Рваную рану яви.

6.

Возлюбленную злобу настеж
И в улицы душ прекрасного зверя—
Крестами убийств крестят вас те-же
Кто кликал раньше с другого берега...

Говорю: идите во имя меня
Под это благословенье!
Ирод—нет лучше имени—
А я ваш Ирод, славяне.

7.

Желтые якоря
Заря на горбатых асфальтов дно,
Медленно с окраин ночь—
— дребезжащий чорный фиакр.

На круглом голубом столе
Звездных карт рассыпанная колода,
Льдяны пальцы от холода
Одних и тех-же столетий.

Я знаю увять и мне
Все на той же земной гряде
И глазами маяков огромней
Только в себя глядеть.

8.

Зеленых облаков стоячие пруды
И в них с луны опавший желтый лист,
Об'ять хочу—и далеко и близь
Огромною рукой наваленные груды.

Хочу белком коснуться острия,
Пусть вытечет из глаз голубизна слепая
Хочу не полыхать на пламени костра я
И тысячи кормить единым песни хлебом...

Задумавшийся с планеты перебег
Не умерщвляет мозг, как пламень плоти
инок—
Скорей прорвать молчания плотины
И затопить пророчеством земли отвесный
берег.

9.

Муку не перенесу какую,
В какой не упаду люк—
Сегодня Страстной Монастырь из горла
выдавлю
Завтра кухмистерскую.

И все оправданья ради
Широкого благословенья—
Кого-же ещо родить
Чорному чреву деревень?.

10.

Песчанных холмов татарские скулы,
Долин зеленые лбы—
Железо-литейным гулом
Эту трупную тишь разбил-бы.

Не моя за цыганским скарбом—
Верность плетется—собачья,
Только тоска раба
По безоблачью...

А когда выбившиеся из колеи
Другую ищут слепые ноги
Знаю поют калики
Тем-же голосом о том же Боге.

1919.

ШЕРШЕНЕВИЧ.

1.

Спотыкается фитиль керосиновый
И сугробом навален чад.
Посадить весь мир как сына бы
На колени свои и качать!

Шар земной на оси, как на палочке
Жарится шашлык;
За окошком намазаны икрою галочьей
Бутерброд куполов и стволы.

Штопором луннаго света точно
Откупорены пробки окон из домов...
Облегченно как весною чахоточный
Я мокроту слов
В платок стихов.

Я ищу в мозговой реторте
Ключ от волчка судьбы,
А в ушах площадей мозоли натерли
Длинным воем телеграфа столбы.

Не хромай же фитиль керосиновый,
Не вались сугробом черным чад!
Посадить дай мир как сына бы
На колени к себе и качать.

Июль 1919.

2.

Расказ про глаз Люси Кусиковой.

Аквариум глаза. Зрачок рыбешкой золотою.
На белом Эльбрусе глетчерная круть.
На небосклон белков зрачок луною,
Стосвечной лампочкой ввернуть.

Огромный снегом занесенный площадь
И пешеход зрачка весь набекрень и ниц.
В лохани глаз белье полощет.
Паркеты щек подместь бы щеткою ресниц.

Маяк зрачка на бельмах волн качайся,
Мол носа расшибет прибой высоких щек;
Два глаза—пара темных вальса,
Синдетиконом томности склеен зрачок.

Раскрылся портсигар сквозь вширь ресницы,
Где две упругих папирос.
Глаза—стаканы молока, в них распуститься
Зрачку как сахару под ураган волос.

Глаза страницей белой где две кляксы
Иль паровоз в поля белков ревет,
Зрачки блестеть начищенные ваксой,
Зрачки—вокзал в веселое вперед.

Март 1919.

3.

Вкруг молчь и ночь
Мне одиночь.

Тук пульса—по опушке пушки.
Глаза веслом ресниц гребут.
Кромсать
И рвать намокшие подушки
Как летаргический проснувшийся в гробу.
Сквозь темь кричать бездельничая кошки
Хвостом мусоля кукиш труб.
Согреть измерзшие ладошки
Сухих поленьях чьих то губ.

Вкруг желть и жолчь
Над одиночью молчь.

Битюг ругательств; пони брани;
Барьер морщин. По ребрам прыг коня.
Тащить занозы вспоминаний
Из очумевшаго меня.
Лицо как промокашка
Тяжкой
Ранки,
И слезы, может быть, поэта ремесло:
За окном ворчат шарманки
Чрезвычайно весело.

— Ты ходила ли Людмила?
— И куда ты убегла?
— В решето коров доила,
— Топором овцу стригла.

Проулок гнет сугроб, как кошка
Слегкообветренной спиной.
И складки губ морщинами гармошки;
Следы у глаз как синие дорожки,
Где бродит призрак тосковой.
Червем ползут проселки мозга,
Где мысль как грузный тарантас;
О, чьи глаза окном киоска
Здесь продают холодный квас?

Прочь ночь и одиночь
Одно помочь.

Под тишину
Пыхтит шарманка на луну:
— Я живая словно ртуть.
— Грудь на грудь,
— Живот на живот
— И все заживет.

Февраль 1919.

Как я
Сергею Есенину отвечаю на „Преображение".

Все, кто в люльке Челпанова мысль свою
вынянчил,
Кто на бочку земли сумел обручи рельс
набить,
За расстегнутым воротом нынча
Волосатую завтру увидь!

Где раньше леса, как зеленые ботики,
Надевала весна и айда,—
Там глотки печей в дымной зевоте
Прямо в небо суют города.

И прогресс, стрижен бобриком требований,
Рукою где жилы железнодорожнаго узла.
Докуривши махорку деревни
За последний окурок села.

Телескопами счистивши тайну звездной
перхоти,
Вожжи солнечных лучей машиной схватив,
В силомере под'емника электричеством
кверху
Внук мой вонзит (как черточку) лифт.

Сумрак кажет трамвайные кукиши,
Хлопают жалюзи магазинов, как ресницы
в сто пуд,
Мечет вновь дискобод науки
Грамофонные диски в толпу.

На пальцах проспектов построек заусеницы,
Сжата пальцами плотин как женская глотка
вода,
И об'едают листву суеверий как гусеницы
Извиваясь суставами вагонов поезда.

Церковь бьется правым клиросом
Под напором фабричных гудков.
— Никакому хирургу не вырезать
Апендицит стихов.

Подобрано так или иначе
К каждой нотке сотня ключей,
— Но голосок соловьиный не вылечен
В лунной и мутной ночи.

Сгорбилась земля еще круче
Под асфальтом до самых плеч.
— Но поэта—занозу грядущего—
Из [illegible] не извлечь!

Вместо сердца с огромною плешиной,
С глазами холоднее чем вода на дне,
Издеваюсь как молот бешенный
Над раскаленным железом дней.

Я сам в осанне великолепнаго жара,
Для обеденных столов ломаю гробы,
Трублю сиреной строк, шоффер земного шара
И Джек—потрошитель судьбы.

И вдруг металлический, как машинные яица,
Смеряюсь как пес под плетким тубо,
Когда дачник, язык мой шляется,
По аллее березовой твоих зубов.

Мир может быть жостче чем гранит еще,
Но и сквозь пробьется крапива строчек
вновь,
А из сердца поэта не вытащить
Глупую любовь!

Июль 1919.

5.

Стволы стреляют в небо от жары
И тишина вся в дырьях криков птичьих;
У воздуха веснушки мошкары
И робость летних непривычек.

Спит солнечный карась вверху,
Где небо—пруд в кувшинках облаков и
непроточно,
И сеет зерна тени в мху
Шмель—пестрый почтальон цветочный.

Вдали авто сверлит у полдня зуб
И полдень запрокинулся неловок.....
И мыслей муравьи ползут
По пням вчерашних недомолвок.

Кюль 1919.

Каждый раз
Несураз-
ное брякая,
Я в спальню вкатившийся мотосакош;
Плотносложенным дням моя всякая
фраз-
а
Раз-
резательный нож.

Я зараз-
ой дымлюся от крика чуть,
Весь смешной, как соитье машин;
Черпаками строчек не выкачать
Выгребную яму моей души.

Я молюсь на червонную даму игорную,
А иконы ношу на слом,
И похабную надпись заборную
Обращаю в священный псалом.

Не застегнутый рот, как штанишек прорешка;
И когда со лба полночи нот звезды,
Башка моя служит ночлежкой
Всем паломникам в иерусалим ерунды.

И на утро им грозно я в ухо реву,
Что завтра мягчее чем воск,
И тащу продавать на Сухареву
В рай билет, мои мышцы и мозг.

Вот вы помните; меня вы там встретили,
Так кричал, что ходуном верста:
— „Принимаю в починку любовь, добродетели,
— „Штопаю браки и веру в Христа!“

. . . . . .

И работу окончив обличительно тяжкую,
После с людьми по душам бесед,
Сам себе напоминаю бумажку я
Брошенную в клозет.

Июнь 1919.

7.

У купца товаром трещат лабазы,
Лишь скидывай засов, покричи 3 минут:
„Алмазы! Лучшие, свежие алмазы!“
И покупатели ордой потекут.

Девушка дождется лунного часа,
Выйдет на площадь, где прохожий част,
И груди—розовые чаши мяса—
Ценителю длительной дрожи продаст.

Священник покажется толстый, хороший,
На груди с большущим крестом
И у прихожан обменяет на гроши
Свое интервью с Христом.

Ну, а поэту? Кто купит муки,
Обмотанные марлей чистейших строк?
Он выйдет на площадь, протянет руки
И с голоду подохнет в недолгий срок.

Мое сердце не банк увлечений. Ошибки
И буквы восходят мои на крови;
Как на сковородке трепещется рыбка.
Так жарится сердце мое на любви.

Эй, люди, монахи, купцы и девицы!
... Лбом припадают отшедшему дню
И сердце не успевает биться,
А пульс слился в одну трескотню.

Но ведь сердце, набухшее болью, дороже
Пустого сердца продать едва ль,
И где сыскать мне таких прохожих,
Которые на золото обменили б печаль?.

И когда ночью сжимаете в постельке тело
ближнее
Иль устаете счастье аршином считать,
Я выхожу площадями орать:
„Продается сердце абсолютно даром!
Эй, кто хочет пудами тоску покупать?“

1916.

Вам жутко? Из под кровати: все в божьей
руце!
Ноги сломаны—под ураганом ольха.
От котла Европы красный пар революций
И в миску России с жиром уха.

Чу! Луна—лимон столетий—
Выжата в чай соловьев.
Выше Эйфеля и Казбека на свете
Муравейник наших стихов.

Пусть вчера, как в наборе ижица,
Грузом шлеп на нашем плече,
Но напрасно солнце пыжится
Нам надеть намордник лучей.

Божья мать—простодушная Маша—
Нас, конечно, запишет в расход;
Мы—дальтонисты вчерашний
И сподвижники трудных вперед.

В погребах ваших глаз вы храните
Привычки бутылями старых вин,
А на географической карте событий
Меридианы наших морщин.

Май 1919. Киев.

9.

Предложение имажиниста.

Душа разливается в поволжское устье.
Попробуй—переплыви!
А здесь работает фабрика грусти
В каждой строке о любви;

А здесь тихой вонью издохшей мыши
Бодят еще и еще
И даже крутые бедра мачиша
Изсохли как черт знает что;

А здесь и весна опретливой оборванью
Слюнявит водостоки труб,
И женщины мажут мажинною верванью
Перед поцелуем клапаны губ;

А чтоб в этой случище молочной
Оправдаться—они говорят,
Что какой то „небесный стрельчник“
Всегда и во всем виноват.

Давайте! докажем, что родились мы в сорочке
Мы—поэты, хранители золотого безделья,
Давайте устроимте в каждой строчке
Кооперативы веселья.

В этой жизни, что тащится, как Сахарой верблюдище,
Сквозь какой то непочатый день
Мы даже зная об осени будущей
Прыгнем сердцем прямо в сирень!

Прыгнем, теряя из глотки улыбки,
Крича громовое НА!
Как прыгает по коричневой скрипке
Вдруг лопнувшая струна.

Январь 1919.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ИМАЖИНИСТЫ“

ПРИ

Всероссийском Союзе Поэтов

Тверская, 18.

1. „Плавильня слов“ — **С. Есенин, А. Мариенгоф, В. Шершеневич.** Цена 14 р.
2. „Имажинисты“ сборник — ц. 14 р. — рисунки, стихи, проза, статьи, участвует **вся банда.** (Печат).
3. Харчевня горь.—**С. Есенин, А. Мариенгоф.**
4. **Зга** враздробь (печат.).
5. **С. Есенин:** Небесный хлев. (Печат.).

   Преображение 2-е изд.

   Телец (том первый).
6. **А. Мариенгоф;** Кондитерская солнц 4 р.

   Магдалина. 10 р.

   Копытами в небо.

   Том первый (печат.).

В. Шершеневич: Лошадь, как лошадь. 15 р.

Великолепные похождения электрического арлекина. (Печат.).

Кооперативы весолья. (Печат.).